

А. В. Кухто^{*1}, *А. Ч. Пиперски*^{**2}

**Массачусетский технологический институт (Кембридж, США),*

***Российский государственный гуманитарный университет (Россия, Москва)*
kukhto@mit.edu¹, apiperski@gmail.com²

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АКЦЕНТНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ В РУССКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМАХ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ*

В настоящей статье рассматривается вариативность в постановке словесного ударения в личных глагольных формах прошедшего времени в русском языке (к примеру, *прóдал ~ продáл*). Традиционно считается, что ее современное состояние определяется социолингвистическими факторами, которые обуславливают различие между говорящими, однако же вариативность можно наблюдать и в речи отдельно взятых носителей. Мы предполагаем, что выбор акцентного варианта зависит, в частности, от ритмического рисунка того контекста, в котором использована глагольная форма. Чтобы проверить эту гипотезу, мы провели пилотный эксперимент, который выявил тенденцию к альтернирующему ритму в последовательности формы прошедшего времени глагола и его прямого дополнения. Мы полагаем, что эта закономерность является частным случаем более общего ритмического правила, действующего в современном русском языке.

Ключевые слова: вариативность, ритм, русский язык, словесное ударение

1. Введение

Система словесного ударения в современном русском языке¹ структурно относится к свободным «лексическим», или «парадигматическим» [Дыбо 2001], системам: определение места ударения зависит не только и не столько от фонологических, сколько от морфологических и парадигматических факторов [Halle 1973; Зализняк 1985 и многие другие].

* Расширенный англоязычный вариант данной статьи готовится к выходу в специальном выпуске журнала *Linguistic Variation*, посвященном вариативности в фонологии. Работа А. Ч. Пиперски поддержана грантом РФФИ 17-04-00444 «Грамматические категории в структуре клаузы».

¹ Здесь и далее речь пойдет о его стандартном московском варианте, если не оговорено иное.

Несмотря на то что в парадигме одной лексемы ударение может быть весьма подвижно, в отдельно взятой словоформе оно, как правило, фиксировано. Вместе с тем не единичны и примеры вариативности ударения [Аванесов 1988]. Такие пары, как *твóрог* и *творóг* или *звóнить* и *звонítть*, обычно относят к разным лексическим вхождениям, которые последовательно противопоставлены друг другу во всех или хотя бы нескольких клетках словоизменительной парадигмы [Шведова (ред.) 1980: 95]; иными словами, сказав *творóг*, говори *творогá*, *творогú*, *творогóm* и т. д. — и наоборот. Подобная вариативность обычно относится на счет диалектных (шире — региональных), социальных или стилистических факторов [Аванесов 1988; Каленчук и др. 2012]. Однако встречаются и такие случаи, когда одно слово или даже одна словоформа демонстрирует непостоянное место ударения в речи одного и того же носителя. В настоящей статье рассматривается пример такого рода — вариативная постановка ударения в формах прошедшего времени некоторых глаголов.

2. Вариативность ударения в глаголе: обзор

Мы сосредоточимся на личных невозвратных глагольных формах прошедшего времени²; полная парадигма прошедшего времени включает в себя четыре формы: м. р. ед. ч., ж. р. ед. ч., ср. р. ед. ч. и мн. ч. В общем виде выделяется три акцентных парадигмы глаголов [Halle 1973; Зализняк 1977: 80–81]:

a: ударение на основе во всех четырех формах (*игрáл*, *игрáла*, *игрáло*, *игрáли*);

b: конечное ударение (*увёл*, *увелá*, *увелó*, *увели*);

c: подвижное ударение: начальное в формах м. и ср. р. ед. ч., а также мн. ч., и конечное в ж. р. ед. ч. (*прíнял*, *принялá*, *прíняло*, *прíняли*).

Однако и описанная выше схема несвободна от вариативности [Острогорская-Якшич 1987], которая отражается и в произносительных словарях:

- (1) **продáть** <...> *прош.* прóдал и *доп.* продал, продалá, прóдало, прóдали и *доп.* продалó, продалí <...> ! *не рек.* продалó; *неправ.* <...> прóдала, продалá [Аванесов 1988: 456];

обня́ть <...> обнял и *допуст.* обня́л, обня́ла (! *неправ.* обняла и обня́ла), обняло, обня́ло и *допуст. младш.* обняло́, обняли и *допуст.* обня́ли [Каленчук и др. 2012: 451].

Как видно, масштаб вариативности чрезвычайно велик, поскольку словари отмечают по два или три возможных варианта для каждой из четырех форм (пусть некоторые из них объявлены неправильными — но это значит, что они существуют в реальности). По нашим подсчетам, в «Грамматическом словаре русского языка»

² Для простоты мы условимся не отличать от них морфологически и исторически идентичные формы, восходящие к причастиям на -л и участвующие в образовании сослагательного наклонения [Галинская 2015: 364–365, 372; Добрушина 2016: 4–6].

[Зализняк 1977] насчитывается 472 глагола с вариативностью, что составляет около 1,5 % от общего числа глагольных лексем.

Такая вариативность возникла в результате перестройки древнерусской акцентной системы. В древнерусском языке выделялись акцентные парадгимы *a*, *b* и *c*, устроенные так же, как описано выше, причем один и тот же корень мог встречаться с разными ударениями в зависимости от морфемного состава слова и акцентных маркировок морфем [Зализняк 1985; 2014]: *̀далъ, далá, ̀дало, ̀дали; ̀продаль, продалá, ̀продало, ̀продали; вы́далъ, вы́дала, вы́дало, вы́дали*, что создало благодатную почву для аналогического выравнивания. И действительно, эта ситуация была затемнена разного рода процессами — как фонологическими, так и морфологическими [Зализняк 1981; 1985]:

- (2) i. дефинализация (ретракция) ударения, смещающая его с конечного открытого слога на слог влево, например, *коня́ > ко́ня* (особенно распространено в западных говорах, см. [Зализняк 1985: 182–188]);
- ii. переход корневых глаголов на согласный (т. е. глаголов без суффикса и тематического гласного) из *c* в *b*, например, *̀рось, рослá, ̀росло, ̀росли* → *рós, рослá, рослó, росли́*;
- iii. выравнивание в однокоренных глаголах, например, *продать* подстраивается под *дать*.

Все эти закономерности действовали в разное время и в разных региональных разновидностях. Например, форма *продалá* могла попасть под влияние форм *прóдал, прóдало, прóдали*, а также причастий *прóдан, прóдано* и т. п., что могло стимулировать начальное ударение *прóдала*; дефинализация ударения приводила к ударению *продáла*; наконец, могло сохраняться старое ударение *продалá*. Кроме того, разные глаголы могли изменяться с разной скоростью (ср. [Зализняк 2015]). Неудивительно, что до сих пор не существует ни подробного описания этих изменений с полным учетом данных письменных памятников, ни описания социолингвистических параметров синхронного варьирования.

Часто считается, что современная вариативность форм прошедшего времени обусловлена регионально, однако надежных, полных и унифицированных источников данных о том, как именно они звучат в разных регионах, не существует. Но, например, в работе [Зализняк 2014: 97] приводится карта, где отмечается граница между начальным ударением в м. р. ед. ч., ср. р. ед. ч. и мн. ч. (*прóдал, прóдало, прóдали*) и ударением на втором слоге (*продáл, продáло, продáли*) по акцентуированным памятникам XVI в. Видно, что инновативная модель с ударением на втором слоге зарождается на западе (Смоленск, Псков) и, постепенно распространяясь на восток, приводит к возникновению вариативности.

Другой параметр вариативности — возраст, однако основным источником на этот счет являются оценки орфоэпических словарей, которые, разумеется, не могут быть подробно обоснованы ввиду ограниченности объема словаря: ср. выше «обня́ло, обня́ло и допуст. младш. обня́ло» [Каленчук и др. 2012: 451]. Важным кажется и уровень образования, поскольку более образованные говорящие склонны прислушиваться

к прескриптивным рекомендациям. Этот эффект тесно связан со стилистикой: в более формальных стилях ожидается больше самоконтроля и лингвистической рефлексии, а значит, и соблюдения нормативных предписаний.

Однако, как уже было сказано, наряду с внешне обусловленной вариативностью можно также наблюдать и вариативность в речи одного человека (мы назовем ее внутриадиолектной).

3. Ритмическая гипотеза

Мы предполагаем, что постановка ударения в русских словоформах с вариативным ударением определяется не только внешними социолингвистическими факторами, очерченными выше, но и синтагматически, в соответствии с универсальной тенденцией к чередованию ударных и безударных слогов (см. подробнее [Schlüter 2005: 17–42] и приводимые там ссылки об истории вопроса).

Для того чтобы подвергнуть эту гипотезу предварительной проверке, мы сужаем ее до одного частного случая (3), а именно до сочетаний финитных форм переходных глаголов в прошедшем времени с их прямыми дополнениями:

(3) *Ритмическая гипотеза в частном виде (PГ')*

В сочетаниях формы прошедшего времени переходного глагола и непосредственно следующего за ней прямого дополнения распределение ударений ...*о́с# о́с*... более вероятно, чем ...*о́б# о́б*...; аналогично ...*о́с# о́с*... более вероятно, чем ...*о́с# о́с*...

Наиболее достоверным методом, который позволил бы проверить PГ', представляется анализ корпусных данных, отражающих спонтанную речь (см. также [Schlüter 2005: 43–50]). Крупнейшим доступным ресурсом для такого анализа является устный подкорпус НКРЯ (Национального корпуса русского языка [www.ruscorgora.ru]) объемом 11,3 млн слов. Однако, несмотря на значительный объем, он имеет свои недостатки. Во-первых, этот корпус гетерогенен: он содержит старые записи русской разговорной речи, записи из университетских коллекций, диалоги из фильмов и т. д. Во-вторых, в нем нет разметки, которая позволяла бы идентифицировать одних и тех же говорящих в разных текстах. В-третьих, лишь для небольшого количества файлов доступны транскрипты с отмеченным ударением или видеозаписи.

Тем не менее даже при таких ограничениях удастся обнаружить некоторую вариативность (при поиске с исключением диалогов из фильмов, которые нельзя считать спонтанными), например:

- (4) а. *подобрáлась* × 1 (50%) ~ *подобралáсь* × 1 (50%)
 б. *зánялся* × 5 (33%) ~ *заня́лся* × 3 (20%) ~ *занялsя́* × 7 (47%)
 с. *прíбыли* × 28 (97%) ~ *прибýли* × 1 (3%)

В общей сложности удалось обнаружить 117 форм прошедшего времени 70 глаголов (31 м. р., 37 ж. р., 15 ср. р., 34 мн. ч.) с вариативностью. Впрочем, результаты

информативны в разной степени: так, для *занялся* данных гораздо больше, чем для *подобралась* (4). Этого количества в любом случае недостаточно, поскольку большинство форм представлены скудно.

Другой ценный ресурс для изучения акцентной вариативности — поэтический корпус в составе НКРЯ, однако он больше подходит для изучения акцентной вариативности с середины XVIII до середины XX в., а не в современном русском языке (см. подробнее [Piperski, Kukhto 2016]).

Всё сказанное выше показывает, что корпусное исследование синхронной акцентной вариативности сегодня невозможно, а значит, необходим эксперимент.

4. Эксперимент

Для нашего эксперимента были выбраны две формы: *продал* и *обнял*. Оба этих глагола исторически относились к акцентной парадигме *с*, т. е. имели подвижное ударение, а сейчас демонстрируют акцентную вариативность. Распределение вариантов в устном подкорпусе НКРЯ таково:

- (5) *про́дал* × 7 (50%) ~ *прода́л* × 7 (50%)
обня́л × 5 (71%) ~ *обнял* × 2 (29%)

Нам пришлось ограничиться двумя формами, поскольку эксперимент неизбежно должен был быть коротким, чтобы не привлечь внимание участников к тому, что в нем встретилось много форм с вариативным ударением. Выбор слов *продал* и *обнял* подводит нас к следующей нулевой гипотезе, производной от PI' :

- (6) *Нулевая гипотеза эксперимента (H_0)*
Место ударения в формах *продал* и *обнял* не зависит от места ударения в непосредственно следующих за ними прямых дополнениях³.

Если гипотеза H_0 верна, ритмического влияния контекста нет, и распределение акцентных вариантов случайно. В противном случае мы ожидаем найти статистически значимое преобладание форм типа ...б̇σ# б̇σ... над ...сб̇# б̇σ... и форм типа ...сб̇# сб̇... над ...б̇σ# сб̇... в соответствии с PI' .

Участникам эксперимента в качестве задания было предложено читать с листа сконструированные экспериментаторами предложения. Разумеется, такой формат эксперимента мог повлиять на их языковое поведение, поскольку чтение — это более контролируемая ситуация, чем, например, свободная беседа. Для отвлечения участников от сути эксперимента им предлагалось в ходе чтения раскрывать скобки, ставя заключенные в них слова в подходящие по контексту падежные формы.

В общей сложности участникам было предложено 18 предложений, 4 из которых содержали слово *продал*, а 2 — слово *обнял*; 12 оставшихся предложений

³ Также была проверена аналогичная гипотеза для непосредственно предшествующего глаголу подлежащего.

выполняли роль филлеров. Полная версия опросника приводится в Приложении к статье.

Для обоих глаголов контролировался правый контекст: *продал* дважды встречается перед двусложным прямым дополнением с ударением на первом слоге (*да́чу, кни́гу*) и дважды — перед двусложным прямым дополнением с ударением на втором слоге (*брасле́т, портре́т*); *обнял* встречается перед двусложным прямым дополнением с ударением на первом слоге (*Аню́*) и перед двусложным прямым дополнением с ударением на втором слоге (*сестру́*). Для слова *продал* мы контролировали также левый контекст: там использовались двусложные имена собственные с ударением в двух случаях на первом, а в двух случаях — на втором слоге (*Пе́тя, Фёдо́р vs. Анто́н, Андре́й*).

Нами было опрошено 87 человек (москвичи различного возраста и пола). В конце эксперимента всем им задавался вопрос, какова, по их мнению, была цель эксперимента, и, если они указывали на ударение, их результаты исключались из дальнейшего рассмотрения. 11 человек (13%) догадались о цели эксперимента, поэтому в дальнейшем анализируются ответы 76 участников. Среди них 29 мужчин (38%) и 47 женщин (62%). Их средний возраст составил 27 лет (min = 11, max = 75). Также были собраны данные об уровне образования (28% — высшее образование, 52% — неоконченное высшее образование, 11% — среднее образование, 9% — неоконченное среднее образование). Впрочем, подсчеты показали, что ни один из перечисленных социолингвистических параметров не влияет на вариативность ударения.

5. Результаты эксперимента

Эксперимент показал, что ударение в этих формах *обнял* и *продал* действительно заметно варьирует (табл. 1).

Таблица 1

Продал и *обнял*: вариативность без учета контекста

Форма	Ударение на 1-м слоге	Ударение на 2-м слоге	Всего
<i>продал</i>	67 (44%)	85 (56%)	152 (100%)
<i>обнял</i>	167 (55%)	137 (45%)	304 (100%)
Всего	234	222	456

Что касается ударения в прямом дополнении, оно статистически значимо влияет на ударение глагола *продал*. В табл. 2–5 приводятся абсолютные числа, проценты, а также результаты двухвыборочного теста пропорций, оценивающего значимость различий между строками⁴.

⁴ Этот тест неидеально подходит для наших нужд, поскольку от каждого участника эксперимента поступает более одного наблюдения, однако мы считаем такое упрощение допустимым ради ясности изложения.

Таблица 2

Частотность форм *прóдал* и *продáл* в зависимости от ударения прямого дополнения (двухвыборочный тест пропорций: $\chi^2 = 5,315$; $p = 0,021$)

<i>продал</i>	Ударение на 1-м слоге	Ударение на 2-м слоге	Всего
<i>дачу, книгу</i>	94 (62%)	58 (38%)	152 (100%)
<i>браслет, портрет</i>	73 (48%)	79 (52%)	152 (100%)
Всего	167	137	304

Для глагола *обнял* результат не достиг общепринятого порога статистической значимости (0,05), что может отчасти объясняться тем фактом, что слово *обнял* встречается только два раза, а не четыре. Что же касается процентных соотношений, видно, что проценты в табл. 3 устроены почти так же, как в табл. 2.

Таблица 3

Частотность форм *обнял* и *обня́л* в зависимости от ударения прямого дополнения (двухвыборочный тест пропорций: $\chi^2 = 2,699$; $p = 0,102$)

<i>обнял</i>	Ударение на 1-м слоге	Ударение на 2-м слоге	Всего
<i>Аню</i>	39 (51%)	37 (49%)	76 (100%)
<i>сестру</i>	28 (37%)	48 (63%)	76 (100%)
Всего	67	85	152

Если проанализировать *продал* и *обнял* вместе, связь ударения в глаголе и в дополнении становится еще более явной (табл. 4).

Таблица 4

Частотность форм *прóдал* и *обнял* vs. *продáл* и *обня́л* в зависимости от ударения прямого дополнения (двухвыборочный тест пропорций: $\chi^2 = 8,436$; $p = 0,004$)

<i>продал, обнял</i>	Ударение на 1-м слоге	Ударение на 2-м слоге	Всего
дополнение <i>бс</i>	133 (58%)	95 (42%)	228 (100%)
дополнение <i>сб</i>	101 (44%)	127 (56%)	228 (100%)
Всего	234	222	456

Табл. 5 на примере глагола *продал* показывает, что по данным нашего эксперимента левый контекст для выбора ударения нерелевантен.

Таблица 5

Частотность форм *прóдал* и *продáл* в зависимости от ударения подлежащего (двухвыборочный тест пропорций: $\chi^2 = 0,053$; $p = 0,818$)

<i>продал</i>	Ударение на 1-м слоге	Ударение на 2-м слоге	Всего
<i>Петя, Фёдор</i>	82 (54%)	70 (46%)	152 (100%)
<i>Антон, Андрей</i>	85 (56%)	67 (44%)	152 (100%)
Всего	167	137	304

Если *РГ* верна, это должно сказываться и на тех участниках эксперимента, которые демонстрируют внутридиалектную вариативность. Таких оказалось много: 35 человек из 76 (46%) произнесли хотя бы один глагол с двумя разными ударениями.

Глагол *обнял* встретился в опроснике два раза, и это означает, что если нам удастся увидеть у этого глагола внутридиалектное варьирование, то варианты могут сочетаться с дополнениями двумя способами:

- (7) *обнял сестру́* ~ *обнял Аню* 16 (73%)
обнял сестру́ ~ *обнял Аню* 6 (27%)

Результат согласуется с PG' : модель *обнял сестру́* ~ *обнял Аню* с чередованием ударных и безударных слогов преобладает.

Ситуация со словом *продал* сложнее: у нас есть по четыре произнесения от каждого участника — но результаты еще более убедительны. Три участника идеально соответствуют гипотезе:

- (8) *про́дал* × 2 (*да́чу, кни́гу*) ~ *прода́л* × 2 (*брасле́т, портре́т*) 3

Важно, что других моделей вариативности типа *про́дал* × 2 ~ *прода́л* × 2 не фиксируется. У 17 респондентов встречается соотношение ответов 3:1.

- (9) *про́дал* × 3 ~ *прода́л* × 1 10 (59%)
про́дал × 1 ~ *прода́л* × 3 7 (41%)

Если предположить, что у таких говорящих есть основной акцентный вариант исследуемой формы (более частотный) и дополнительный, можно проверить, в каких контекстах выбирается этот дополнительный вариант. В 16 из 17 случаев (94%) он был выбран там, где его использование позволяет соблюсти PG' (например, человек, который обычно говорит *прода́л*, все-таки скажет *про́дал да́чу* с чередованием ударных и безударных). Это тоже указывает на то, что в наших данных есть тенденция избегать скопления как ударных, так и безударных слогов.

Ограничения проведенного эксперимента очевидны (были проанализированы всего два глагола, только в контексте прямого дополнения, в речи носителей исключительно из Москвы), однако на его основании уже можно заключить, что мы наблюдаем статистические тенденции, которые подтверждают ритмическую гипотезу, по крайней мере, в ее более слабом варианте PG' .

8. Заключение

В нашей статье приводятся новые экспериментальные данные о вариативности ударения в русском языке. Мы показали, что по крайней мере для некоторых глагольных форм выбор одного из вариантов ударения различается не только у разных носителей, но и в речи одного носителя. Было экспериментально доказано, что в ситуации внутридиалектной вариативности важную роль играет контекст: наличие акцентных вариантов используется для того, чтобы максимизировать в речи чередование ударных и безударных слогов. Именно поэтому в контекстах типа *про́дал да́чу* наблюдается тенденция к ударению *про́дал*, а в контекстах типа *прода́л брасле́т* — к ударению *прода́л*. Разумеется, эмпирическая база исследования

нуждается в расширении, однако соблюдение ритмической гипотезы (о стремлении к чередованию ударных и безударных слогов) можно считать подтвержденным по крайней мере для некоторых слов и контекстов.

Литература

Аванесов Р. И. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка. 4-е изд. М.: Русский язык, 1988. 704 с.

Галинская Е. А. Историческая грамматика русского языка: Фонетика. Морфология. М.: Ленанд, 2015. 416 с.

Добрушина Н. Р. Сослагательное наклонение в русском языке: Опыт исследования грамматической семантики. Прага: Animedia Company, 2016. 425 с.

Дыбо В. А. Морфонологизованные парадигматические акцентные системы: Типология и генезис. Т. I. М.: Языки русской культуры, 2001. 736 с.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1977. 880 с.

Зализняк А. А. Глагольная акцентуация в южновеликорусской рукописи XVI в. // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфонологии. М.: Наука, 1981. С. 89–174.

Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985. 432 с.

Зализняк А. А. Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. М.: Языки славянской культуры, 2014. 728 с.

Зализняк А. А. Популярные лекции академика А. А. Зализняка [Электронный ресурс] / Эпизод из истории русского ударения: лекция А. А. Зализняка на XVII Летней лингвистической школе. Дубна, 9 июля 2015 г. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.mathnet.ru/php/seminars.phtml?presentid=11930> (свободный). Загл. с экрана.

Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М.: АСТ-Пресс, 2012. 1024 с.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]: база данных. Электрон. дан. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru> (свободный). Загл. с экрана.

Острогорская-Якишич О. Место ударения в формах прошедшего времени современного русского языка // Русский язык за рубежом. 1987. №4. С. 57–62.

Шведова Н. Ю. (ред.). Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 783 с.

Halle M. The accentuation of Russian words // Language. 1973. No. 49 (2). P. 312–348.

Piperski A. Ch., Kukhto A. V. Intra-speaker stress variation in Russian: A corpus-driven study of Russian poetry // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2016”. Moscow: RGGU, 2016. P. 540–550.

Schlüter J. Rhythmic grammar: The influence of rhythm on grammatical variation and change in English. Berlin: de Gruyter Mouton, 2005. (Topics in English Linguistics; 46.)

Anton Kukhto*¹, Alexander Piperski²**

**Massachusetts Institute of Technology (Cambridge, USA),*

***Russian State University for the Humanities (Russia, Moscow)*

kukhto@mit.edu¹, apiperski@gmail.com²

AN EXPERIMENTAL STUDY OF STRESS VARIATION IN RUSSIAN PAST TENSE VERBAL FORMS

This paper discusses stress variation in Russian past tense verbal forms. It is generally assumed that it instantiates inter-speaker variation governed by sociolinguistic factors. However, there is also substantial intra-speaker variation. We claim that it is partially constrained by the rhythm of the context in which the given form with variable stress occurs. In order to test this claim, we ran an experiment that showed a clear preference for alternating rhythm in a sequence of a past tense verb and its direct object. We regard this pattern to be a case of the more general rhythmic rule active in Modern Standard Russian.

Key words: Russian language, word stress, variation, rhythm

References

Avanesov R.I. (ed.). *Orfoepicheskiĭ slovar' russkogo yazyka*. [Russian pronouncing dictionary]. 4th ed. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1988. 704 p.

Dobrushina N.R. *Soslagatel'noe naklonenie v russkom yazyke: Opyt issledovaniya grammaticheskoi semantiki*. [Subjunctive in Russian: A study in grammatical semantics]. Prague, Animedia Company, 2016. 425 p.

Dybo V.A. *Morfologizovannnye paradigmaticheskie aktsentnye sistemy: Tipologiya i genezis*. [Morphophonologized paradigmatic accent systems: Typology and genesis]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2001. 736 p.

Galinskaya E.A. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: Fonetika. Morfologija* [A historical grammar of the Russian Language: Phonetics. Morphology]. Moscow, Lenand Publ., 2015. 416 p.

Halle M. The accentuation of Russian words. *Language*. 1973. No. 49(2). P. 312–348.

Kalenchuk M.L., Kasatkin L.L., Kasatkina R.F. *Bol'shoi orfoepicheskiĭ slovar' russkogo yazyka*. [A comprehensive pronouncing dictionary of Russian]. Moscow, AST-Press Publ., 2012. 1024 p.

Russian National Corpus. Available at: <http://ruscorpora.ru>

Ostrogorskaya-Yakshich O. [Stress placement in the past tense forms in Modern Russian]. *Russkij jazyk za rubezhom*. 1987. No. 4. P. 57–62. (In Russ.)

Piperski A. Ch., Kukhto A.V. Intra-speaker stress variation in Russian: A corpus-driven study of Russian poetry. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialogue 2016"*. Moscow, RGGU Publ., 2016. P. 540–550.

Schlüter J. *Rhythmic grammar: The influence of rhythm on grammatical variation and change in English*. Berlin, de Gruyter Mouton, 2005. (Topics in English Linguistics; 46.)

Shvedova N. Yu. (Ed.) *Russkaya grammatika. T. 1: Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Russian grammar. Vol. 1: Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 783 p.

Zalizniak A. A. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka* [A grammatical dictionary of Russian]. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1977. 880 p.

Zalizniak A. A. [Verbal accentuation in a South Russian manuscript from the 16th century]. *Slavyanskoe i baltiiskoe yazykoznanie. Problemy morfonologii* [Slavic and Baltic linguistics. Topics in morphophonology]. Moscow, Nauka Publ., 1981. P. 89–174. (In Russ.)

Zalizniak A. A. *Ot praslavyanskoy akcentuacii k russkoi* [From Proto-Slavic to Russian accentuation]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 432 p.

Zalizniak A. A. *Drevnerusskoe udarenie: Obshchie svedeniya i slovar'* [Old Russian stress: General remarks and a dictionary]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2014. 728 p.

Zalizniak A. A. Epizod iz istorii russkogo udareniya [An episode from the history of Russian stress]. *Lecture given at the 17th Summer School in Linguistics*. Dubna, 9th of July, 2015. Available at: <http://www.mathnet.ru/php/seminars.phtml?presentid=11930>

Приложение. Опросник для эксперимента

Пожалуйста, прочитайте вслух приведенные ниже предложения, при чтении раскрывая скобки.

Пример:

У Мити в комнате живут 2 (попугай) → У Мити в комнате живут два попугая.

1. Дима вернулся домой, увидев, что на (улица) идет дождь.
2. Антон продал браслет, который достался ему в наследство от (бабушка).
3. (Васин) сестра гуляла с 2 (собака).
4. Иван так и не прочитал ни одного из 5 (знаменитый роман) Достоевского.
5. Толя усомнился в (то), что его (друзья) удастся взобраться на (гора).
6. Дима выбежал на перрон и обнял сестру, которая ждала его с (грудной младенец) на руках.
7. Вчера к нам приходили Маша и Дима с 3 (ребенок).
8. Андрей продал книгу, которую он купил вчера, за 30 (доллар).
9. Я прочитал эту книгу за 3 (вечер).
10. (Мой) жена часто ходит за (грибы) с 2 (корзина).
11. Петя продал дачу за 2 (миллион рублей).

12. Миша очень радовался, что смог снять квартиру в (Москва) всего за 25 000 (рубль).
13. Я купил розы, чтобы подарить их (любимая девушка).
14. Иван Александрович перенес (тяжелая операция) на (желчный пузырь).
15. Федор продал портрет, который нарисовал его дедушка, за 2000 (швейцарский франк).
16. Когда Аня и Толя гуляли по набережной, они часто приходили к (мы) в (гость).
17. (Я) пришлось по душе книга, (которая) подарили Володя и Галя.
18. Прощаясь, Костя так нежно обнял Аню за (талиа), что ее родители заподозрили, что (они) связывает не просто дружба.